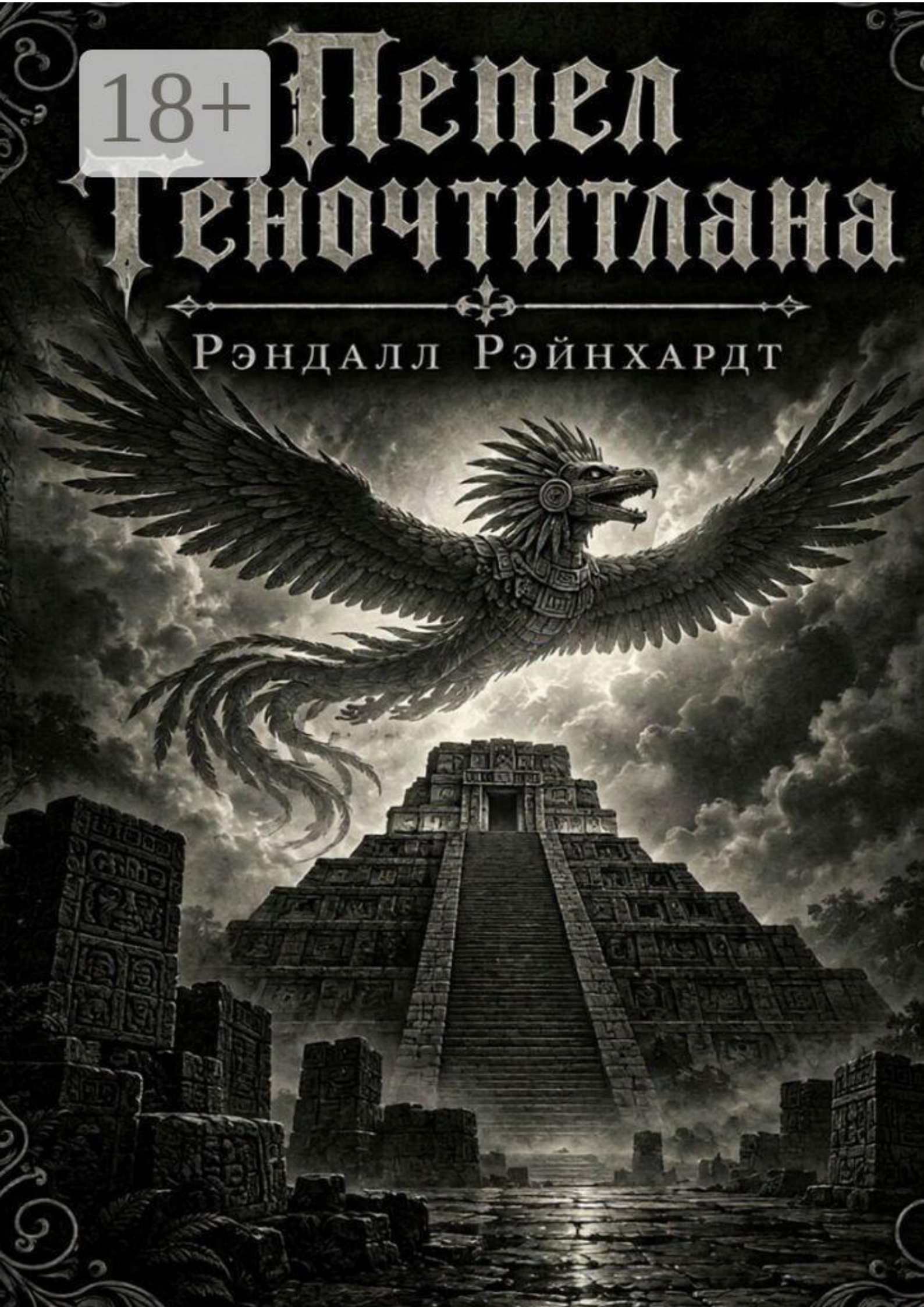
18+

Пепел Теночтитлана

Рэндалл Рэйнхардт

Рэндалл Рэйнхардт

Пепел Теночтитлана

«Издательские решения»

Рэйнхардт Р.

Пепел Теночтитлана / Р. Рэйнхардт — «Издательские решения»,

1521 год. Чума забрала у капитана Родриго де Вальдеса семью — и он поклялся выкупить спасение чужим золотом. Золото вошло в него: теперь по венам капитана течёт расплавленный металл. За пеплом Теночтитлана его отряд ищет тайный город, куда ушли жрецы с сердцем Кецалькоатля. Но город ждёт не золота — и не каждый из вошедших выйдет обратно. Мрачное историческое фэнтези о вере, жадности и цене искупления.

© Рэйнхардт Р.
© Издательские решения

Содержание

Пролог: Севильская чума 6
Глава 1. Пепел Теночтитлана 9
Глава 2. Огонь и железо 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Пепел Теночтитлана

Рэндалл Рэйнхардт

«Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше».
(Матфея, 6:21)

© Рэндалл Рэйнхардт, 2026

ISBN 978-5-0071-7205-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог: Севильская чума

Смерть в Севилье пахла не ладаном. Она пахла карболкой, сладковатой гнилью лопнувших бубонов и сухим пергаментом — кожей его детей, которая за три дня болезни стала тонкой, как старый свиток, и пожелтела под слоем липкого, холодного пота. Родриго де Вальдес стоял на коленях у супружеского ложа, вжимаясь лбом в влажные, пахнущие лихорадкой простыни, и молился не о спасении. Он молился о чуде, которого не заслуживал.

Когда Изабель сделала последний выдох — короткий, похожий на всхлип пробки, вылетающей из узкого горлышка, — в комнате что-то изменилось. Воздух, густой от миазмов, вдруг стал колким. Родриго поднял голову. Тени в углах спальни сгустились, обретая плотность бархата. Ему показалось, что за изголовьем кровати, там, где плясало единственное пламя свечи, стоит фигура в черном капюшоне. Но это была лишь игра света на балдахине, измученное воображение капитана, который не спал уже четвертые сутки.

Он похоронил их всех за два дня. Сначала старшего сына, Педро. Потом маленькую Анну, чьи волосы, которые Изабель каждое воскресенье мыла розовой водой, теперь смердили падалью еще при жизни. Наконец, жену. На кладбище Сан-Бернардо в тот год не хватало земли. Гробы ставили друг на друга, как поленья, а могильщики, лица которых были замотаны промасленной тканью, двигались как механические куклы.

Родриго заплатил им двойную цену, чтобы тела его семьи опустили в освященную землю, а не сбросили в общую яму за городскими стенами, где их бы просто залили известью. Он стоял над свежим холмиком, пока комья сухой кастильской земли не начали хрустеть на зубах, и смотрел на свои руки. Они не дрожали. Внутри него, там, где раньше жила любовь к смеющимся глазам Изабель, теперь пульсировала пустота, холодная и тяжелая, как слиток свинца.

Грех. Слово пришло не из молитвенника, а из самой пустоты. Это было наказание. Чума не разбирала. Господь — разбирал. И Господь забрал у Родриго де Вальдеса всё, оставив ему лишь кирасу, палаш и разъедающее душу понимание собственной нечистоты.

В тот вечер он пришел в собор. Не просить, не каяться — требовать. Он стоял перед черным деревянным распятием, глядя в измученное лицо Спасителя, и чувствовал, как под ногами качается пол.

— Ты забрал их, — прошептал Родриго, и его голос был хриплым от жажды. — Ты забрал моих ангелов. Значит, кровь моя, плоть моя и золото, которое я добуду, — теперь твои.

Он не торговался. Он приносил клятву. Если Господь очистил его дом огнем чумы, то Родриго очистит свою душу огнем чужого золота. Там, за океаном, в землях Индий, где дикари поклоняются каменным идолам, он найдет столько драгоценного металла, что сможет вымостить им дорогу в рай. Он выкупит прощение. Он зальет алтари кровью язычников, и этот запах — запах горячей человеческой крови — перебьет вонь карболки и разложения, которая намертво въелась в его ноздри.

Каждый убитый индеец, каждый расплавленный слиток, отправленный в казну короны, станет кирпичом в стене, отделяющей его от гниющих тел в севильской земле. Он станет самым верным псом короны. Не ради славы. Ради арифметики спасения.

***

Он вернулся в свой опустевший дом. В спальне всё еще стоял запах болезни — приторный, химический, въевшийся в дерево. Родриго подошел к кровати, сорвал насквозь мокрые, пахнущие смертью простыни и вышвырнул их в окно, на улицу. Затем он достал из сундука чистую сталь.

Клинок меча отразил дрожащее пламя свечи. Родриго провел пальцем по лезвию, проверяя заточку. Он больше не был мужем и отцом. Он был пустым сосудом, который нужно было наполнить.

Он разделся донага перед тем же распятием, перед которым клялся часом ранее. Холод камня пола обжег босые ступни. Родриго взял нож. Это был не боевой кинжал, а простой кухонный тесак, оставшийся от Изабель. Он занес его над своей левой рукой.

Первый надрез дался легко. Кожа разошлась, как пергамент, выпуская темную венозную кровь. Но то, что проступило следом, заставило Родриго замереть. Кровь не была просто красной. Там, где капли падали на пол и смешивались с пылью, они начинали едва заметно мерцать, приобретая неестественный, маслянисто-желтый оттенок. Родриго поднес изрезанную руку к лицу. Вена под кожей вспыхнула, словно в нее вплавили тонкую золотую нить. Он провел пальцем по шраму — плоть под ним была твердой, холодной, напоминающей на ощупь не живую ткань, а витражное стекло.

— Очищение, — прохрипел он.

Он полоснул себя по груди. Боль пришла с опозданием, глухая и вязкая. Из раны хлынул поток, но теперь золота в нем было больше, чем крови. Жидкий металл скапливался в ямке ключиц, не остывая. Родриго смотрел, как его собственная грудь покрывается тусклой, мертвой желтизной. Края раны начали затягиваться на глазах, но не новой кожей — они срастались, образуя рубцы, похожие на трещины в высохшей глине.

Он упал на колени, захлебываясь собственным блеском. Его трясло. Лихорадка, та самая лихорадка Эльдорадо, о которой шептались солдаты в тавернах, пожирала его изнутри. Это была не болезнь. Это была замена. Господь забирал его слабую, гниющую человеческую плоть, чтобы дать ему новую — твердую, вечную, отлитую из того самого металла, который станет его искуплением.

Родриго запрокинул голову. В глазах потемнело, но перед лицом, в полумраке комнаты, он увидел не трещины на потолке. Ему явилось видение: бескрайняя долина, залитая светом, исходящим от самой земли. Горы были из цельного червонного золота, реки текли расплавленным металлом. И в центре долины стоял он — уже не из плоти: скелет сплетен из золотых цепей, вместо сердца — огромный, тяжелый самородок, излучающий жар, способный плавить камни.

Он смотрел на это видение своими слезящимися глазами и улыбался. Боль от ножа в руке казалась пустяком. То, что он чувствовал сейчас, было не страданием, а литейным жаром. Он чувствовал, как внутри него плавится всё лишнее: страх, сомнения, память о смехе Анны и запахе розовой воды.

— Господи, — выдохнул он, глядя на распятие. На деревянных губах Христа тоже проступила золотая сусальная крошка. — Я принимаю. Выжги меня дотла.

Когда он наконец поднялся, нож со звоном упал на каменные плиты. Родриго посмотрел на свои руки. Они были целыми — ни единой царапины. Кожа стала мертвенно-бледной, туго натянутой на кости. Но под ней, прямо под тонкой пленкой эпидермиса, медленно и тяжело, в такт его новому, металлическому сердцебиению, текло золото.

Он больше не пах карболкой. От капитана Родриго де Вальдеса теперь исходил едва уловимый, сладковатый запах плавильной печи.

Глава 1. Пепел Теночтитлана

Прах Теночтитлана хрустел на зубах, как сгоревшая корица. Великая столица ацтеков, жемчужина Западных морей, теперь лежала в руинах, напоминая гигантскую скотобойню, покинутую мясниками. Родриго де Вальдес стоял на вершине насыпи, глядя на то, что осталось от дворца Монтесумы. Дым здесь не рассеивался уже год. Он просто стелился по земле густым, желтоватым туманом, пахнущим влажной землей, гниющей плотью и чем-то сладковато-химическим — запахом самой смерти, которая в этих землях имела свой собственный, удушливый аромат.

Вода в каналах исчезла. Вместо нее по бывшим улицам текла черная, маслянистая жижа, в которой отражалось бесцветное небо Кастилии. В этой жиже разлагались тысячи. Оспа, которую бледнолицые принесли на своих сапогах, пощадила лишь камни. Тела жертв оспы и стали вздулись под палящим солнцем, их кожа пошла черными пузырями, а глаза — выцветшие, молочно-белые — смотрели в небо, где кружили грифы размером с орлов.

— Закрой забрало, капитан, — голос Ицтли прозвучал неестественно ровно. — Если не хочешь, чтобы черви из этого озера забрались тебе в легкие.

Родриго не обернулся. Он смотрел на запад, туда, где за стеной вулканического дыма угадывались очертания вулканов. Его кираса, начищенная перед высадкой в Вера-Крусе до зеркального блеска, теперь была покрыта коркой серой пыли. Но под этой коркой, если присмотреться к стыкам пластин, можно было заметить едва уловимое, маслянистое мерцание. Золото. Оно проступало сквозь поры его кожи уже три года, с той самой ночи в Севилье, но здесь, на алтаре мертвого города, процесс ускорился. Края его стальных перчаток казались оплавленными, словно металл начал медленно, в течение многих месяцев, перетекать в форму его костей.

— Они здесь, — тихо сказал Родриго. Его голос внутри шлема звучал глухо, как из склепа. — Матео чует их за лигу.

Брат Матео стоял внизу, у подножия насыпи. Доминиканец не носил шлема, предпочитая лицезреть гниение собственными глазами. Его левая щека непрерывно дергалась в тике, а единственный здоровый глаз горел тем самым фанатичным блеском, который Родриго видел в соборах Кордовы. В руках инквизитор сжимал не распятие, а длинную стальную кочергу, конец которой был обмотан промасленной тканью.

— Там, — Матео ткнул кочергой в сторону полуразрушенной пирамиды, торчащей из пепла, как сгнивший зуб. — Старик в деревне пел. Он сказал, что жрецы Уицилопочтли не приняли воду Кортеса. Они ушли в Теночитлан.

Родриго поморщился при упоминании Кортеса. Их отряд — сорок человек, отпетых головорезов, уставших ждать своей доли в официальной казне — откололся от армии конкистадора неделю назад. Кортес искал золото императора. Родриго искал нечто большее. Искупление. И если для этого нужно было найти мифический Теночитлан — тайный город-на-холме, куда ушли выжившие жрецы с сердцем Кетцалькоатля, — он найдет его.

— Ицтли, — позвал Родриго. — Ты слышал об этом месте?

Проводник-тласкальтек, чья кожа была покрыта свежими, еще кровоточащими ритуальными шрамами в форме змей, молча кивнул. Его лицо было непроницаемой маской, но Родриго заметил, как напряглись мышцы на шее индейца.

— Теночитлан — это не город, сеньор капитан, — голос Ицтли был лишен всякого выражения. — Это пасть. И она всегда открыта.

***

Они спустились в руины. Чем ниже они спускались по бывшим дамбам, тем плотнее становился туман. Видимость упала до трех шагов. Звуки здесь были странными: хлюпанье черной жижи под сапогами отдавалось в ушах, как удары церковного колокола, а шелест грифиных крыльев над головой напоминал шелест развертываемого пергамента.

Люди Родриго шли плотной группой, ощетинившись аркебузами и копьями. Это были не солдаты, а волки, почуявшие падаль. Но даже их привычные к грязи и крови лица сейчас позеленели. Оспа здесь была не просто болезнью. Она стала частью архитектуры. Черные язвы покрывали стены уцелевших домов, складываясь в узоры, напоминающие ацтекскую вязь. Грибы — огромные, бледные, пульсирующие, как живые сердца — росли прямо из груд мертвецов, их шляпки светились в темноте тошнотворным желто-зеленым светом.

— Господи, спаси, — прошептал кто-то из аркебузиров.

— Бога здесь нет, идиот, — рыкнул Матео, ткнув его кочергой в спину. — Здесь только мы и мусор, который нужно сжечь. Держать строй.

Родриго шел впереди. Его доспехи начали тихонько гудеть. Низкая, вибрирующая нота, от которой ныли зубы. Золото под кожей реагировало на близость древнего места. Он чувствовал, как металл в его кирасе становится мягким, податливым, словно воск. Он сжал кулак в перчатке — суставы хрустнули, но боли не было. Только приятное тепло расплавленного металла.

Они вышли на площадь перед Великой Пирамидой. Здесь туман расступался. Пирамида не была разрушена. Она стояла нетронутой, если не считать того, что ее каменные ступени были скользкими от черного мха, который, казалось, дышал. На вершине, в самом храме, горел огонь. Не оранжевый, а густой, индиговый, цвета венозной крови.

— Жрец, — выдохнул Родриго. — Матео, твой выход.

Инквизитор растянул губы в улыбке, обнажив гнилые, шатающиеся зубы. Он шагнул вперед, перехватив кочергу как посох.

— Выходи, дьявольское отродье! — крикнул Матео на ломаном науатль, смешанном с латынью. — Во имя Святого Престола, я дарую тебе очищение огнем!

Тишина. Только гудение в доспехах Родриго стало громче, переходя в низкий, давящий на перепонки гул.

Затем из тени колонн храма вышла фигура. Старик. Абсолютно голый, если не считать набедренной повязки, его кожа была серой, как пепел, и гладкой, словно полированный обсидиан. Он не дрожал. В руках он держал не оружие, а лишь пучок сухих желтых трав.

Матео взревел и бросился вперед. Это была ошибка.

Старик не сделал ни одного движения. Он просто открыл рот. Звук, который вырвался из него, не был криком. Это был скрежет — звук тысяч обсидиановых ножей, точащихся друг о друга.

Матео замер на полушаге. Его правый глаз закатился, а из носа хлынула кровь. Кочерга выпала из ослабевших рук, но не упала на землю. Она зависла в воздухе на мгновение, а затем со скоростью пушечного ядра ударила инквизитора в грудь, отбросив его на десять шагов назад. Матео врезался в стену полуразрушенного дома и сполз по ней, хрипя. Его грудная клетка была вмята внутрь, но он был жив.

Родриго действовал мгновенно.
— Аркебузы! — рявкнул он.

Грохот выстрелов разорвал гудящий воздух. Свинцовые шары ударили в старика. Один оторвал ему ухо, второй разворотил плечо. Из ран не хлынула кровь. Оттуда посыпался мелкий золотой песок и повалил густой, пахнущий серой дым.

Старик упал на колени. Родриго подошел к нему, вытащил из ножен меч. Лезвие клинка, входя в тень старика, покрылось инеем, хотя воздух был раскален.

— Где Теночитлан? — спросил Родриго, приставив острие к горлу жреца.

Старик поднял на него глаза. Зрачков не было — только сплошная, матовая белизна. Он улыбнулся. У него не было языка. Вместо него из черного провала рта торчал кусок чистого, не тронутого окислением золота.

Родриго надавил на меч. Голова жреца отделилась от тела с тихим хрустом, похожим на звук ломающейся карамели. Тело осыпалось прахом. Голова осталась лежать на ступенях. Золотой язык вывалился наружу.

— Он сказал, — прохрипел Матео, поднимаясь с земли. Его доспехи были смяты, но сам он казался невредимым — одержимость защищала его лучше любой кирасы. — Пытка развязывает любые языки. Даже если их нет.

Родриго посмотрел на свои руки. Перчатка на правой руке лопнула. Из прорехи в стали смотрела не плоть. От его запястья до локтя рука была покрыта сплошным слоем потускневшего золота, в котором, словно насекомые в янтаре, застыли очертания его собственных вен.

— Выступаем, — приказал капитан, не чувствуя ни удивления, ни страха. Только нарастающий, невыносимый зуд под кожей. — До заката мы должны быть у подножия черных гор.

Туман за их спинами сомкнулся, поглотив прах жреца и раздавленное тело Теночтитлана. Гудение в доспехах перешло в торжествующий, ликующий звон.

Глава 2. Огонь и железо

Пытка — это ремесло. Брат Матео знал это так же хорошо, как слова «Отче наш». В Севилье, в подвалах Трианы, это было похоже на литургию: размеренное чтение вопросов, звон инструментов, хоровой крик грешника. Здесь, на пепелище Теночтитлана, литургия превратилась в черную мессу — теперь над другим жрецом: стариком из деревни, тем самым, что пел, когда отряд входил в мертвый город.

Они втащили жреца в хижину, которую отряд соорудил из обломков пальмовых листьев и гниющих циновок. Воздух внутри был спертым, пахнущим потом сорока мужчин и сладковатым смрадом оспы, который, казалось, сочился из самих пор земли. Жрец не сопротивлялся. Его серое, пепельное тело обмякло в руках солдат, как пустой мешок. Только глаза — сплошные бельма — смотрели сквозь Родриго, сквозь стены хижины, куда-то в недра земли.

— Привяжите его к столу, — бросил Матео.

Его голос звучал бодро. Лихорадка конкисты, помноженная на религиозный экстаз, делала инквизитора почти счастливым. Он сбросил пропыленный плащ, оставшись в одной льняной рубахе, потемневшей от пота под мышками. Его левый глаз дергался в непрерывном тике, а гниющий зуб в углу рта издавал при дыхании легкий свист.

Солдаты бросили старика на грубую деревянную колоду, которую вырвали из остова испанского галеона. Ицтли, единственный, кто не участвовал в суете, стоял в углу, скрестив руки на груди. Он смотрел не на жреца, а на Родриго. Проводник видел то, чего не видели остальные: как под кожаным колетом капитана медленно, в такт его сердцебиению, пульсирует тусклое золото.

Матео раскрыл свой сундучок. Внутри, на бархатной подкладке, лежали инструменты, которые он берег лучше, чем Святые Дары. Длинные иглы, щипцы с винтовым зажимом, и главное — железный прут, калившийся в переносной жаровне. Угли в жаровне светились в полумраке хижины, как глаза демонов.

— Начнем с малого, — Матео взял прут щипцами. Металл зашипел, соприкоснувшись с воздухом. — Скажи мне, где Теночитлан.

Жрец молчал. Он даже не моргал.

Матео шагнул ближе. Родриго поднял руку.

— Оставь клеймо, Матео. Если мы сожжем ему лицо, он не сможет вести нас. Мне нужен его язык, а не его душа.

— Душа еретика принадлежит Врагу, пока мы не вырвем ее оттуда, — огрызнулся инквизитор, но прут опустил. Вместо этого он взял тонкую иглу. — Открой рот.

Он надавил жрецу на челюсть. Сухожилия на шее индейца натянулись, но рот не открылся. Матео зарычал от досады и ударил старика кулаком в подбородок. Хруст. Челюсть жреца безвольно отвисла.

Матео ввел иглу ему в десну. Старик не издал ни звука. Ни стона, ни вздоха. Только по его серой щеке скатилась одна-единственная капля. Она упала на грязный пол хижины.

И там, где она упала, камень задымился.

Капля не впиталась в пыль. Она зашипела, как кусок сала на сковороде, и выжгла в плотно утрамбованной земле идеально ровную, геометрическую воронку — пятиконечную звезду с обугленными краями. В воздухе запахло не горелой плотью, а раскаленным металлом и озоном, словно после удара молнии.

Родриго замер. Его рука в латной перчатке непроизвольно дернулась к груди. Золото под кожей ответило на этот запах теплой, пульсирующей волной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.